

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ИЛЬЯ КОНОНОВ,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и социологии
Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко*

Бауман З., Донскіс Л. Моральна спільнота. Втрата чутливості у плинній сучасності / Пер. з англ. О.Буценка. — К.: Дух і літера, КМБС, 2014. — 280 с. Сер. “Бібліотека спротиву. Бібліотека надії”

Unde malum, или В каком мире мы живем?

*“Skąd się bierze zło?
jak to skąd
z człowieka
zawsze z człowieka
i tylko z człowieka”*

Tadeusz Rozewicz

*“...rzeczywiście panie Tadeuszu zło (i dobro)
bierze się z człowieka”*

Czesław Miłosz

О нашей нынешней действительности трудно рассуждать, используя старые термины. Все время приходится писать о странной войне и странном мире, о странной работе и странном досуге, о странной любви и странной ненависти. Это не впервые интеллектуалы сталкиваются с ситуацией трудности описания социального мира. Такое же ощущение бытовало и в конце XVIII — начале XIX веков, когда Европа переходила от традиционного, аграрного общества к обществу современному, индустриальному. Из чувства кризисности, шаткости, неуверенности родилась социология, чей язык позволил описать и объяснить индустриальный мир. Теперь сама социология вынуждена искать иной язык описания и объяснения нынешнего общества.

Но как ни меняется мир, неизменно актуальным остается вопрос о происхождении зла в нем. Меняются его лики, но зло остается тем вызовом, который объединяет все исторические эпохи. Католическое *Unde malum* (откуда зло) актуально и для

православных, и для мусульман, и для буддистов, и для атеистов. Книга, о которой я пишу, посвящена в первую очередь диагностике современного зла.

Авторы книги известны по-разному разным группам украинских читателей. Книги Зигмунта Баумана, ныне английского социолога, которого причисляют к живым классикам, а в прошлом польского коммуниста, ушедшего добровольцем в 1-ю армию Войска польского и дошедшего в качестве политического комиссара до Берлина, читают в первую очередь социологи. Названия его работ “Индивидуализированное общество” и “Текущая современность” стали нарицательными при характеристике современного общества. Леонидас Донскис больше у нас известен в кругах философов. Будучи профессором Каунасского университета имени Витаутаса Великого, он преподает в ряде других университетов Европы, ведя жизнь современно-западного интеллектуала. Часто печатается как публицист, в том числе и в журнале “Український тиждень”.

Хотя Леонидас Донскис как главный архитектор диалога (а книга имеет подлинно диалогический характер) все время клонит текст в сторону философского и культурологического анализа, но вопрос о зле в книге поставлен конкретно. Реплика авторов в несколькотысячелетней дискуссии о природе зла касается природы зла на современном Западе. Леонидас Донскис пишет: “Мы оказались в мире, который сбился с пути, заблудился” (с. 196). Авторы занимают дьявол, который прячется на Западе. Это не означает, что они не видят других его обликов. В книге есть размышления о “новом варварстве”, коим авторы считают капитализм без демократии, примеры чего дают современные Китай и Россия. Размышляя о Восточной Европе, Леонидас Донскис ставит такой риторический вопрос: “А возможно, мы в плену нового варварства, которое только движется на Запад, — капитализма без демократии (пока еще это китайская и сегодняшняя российская модель, но нельзя отбрасывать ее распространения в мире), свободного рынка без личной свободы, усиления экономической диктатуры и сопровождающего исчезновения политического мышления, окончательного превращения политиков в составную часть массовой культуры и шоу-бизнеса при передаче реальной власти и управления в руки не публично избранных представителей, а тех, кого выбирает наиболее властный и неконтролируемый общественностью сегмент общества — руководители центральной бюрократии, бизнеса и медиа?” (с. 157).

Где же зло прячется на Западе? Какие его сегодняшние лики? Самый распространенный из них Зигмунт Бауман предложил определить через старый греческий термин *adiaphoron* (“неважное”, “неважная вещь”). Термин этот теологически осмыслен, но Зигмунт Бауман придает ему новое значение: “По-моему, термин “адиафорический” означает не “неважный”, а “неуместный”, или лучше — “безразличный” или “невозмутимый”, придерживаясь идей и советов церковных соборов, которые обсуждали соответствие или противоречие отдельных убеждений канонам христианской веры: убеждений, которые провозглашены Собором как “адиафорические” и могут быть приняты членами церкви без впадения в грех. Согласно моему, скорее светскому, пониманию, “адиафорическими” действиями являются те, которые исключены по общественному согласию (глобальному или местному) из этической оценки, а следовательно, свободны от возможных мук совести или морального клеймения” (с. 53). Сфера выведенных из-под этической оценки действий на современном Западе чрезвычайно велика и постоянно расширяется. Украина это прямо почувствовала на себе. Леонидас Донскис в предисловии, специально подготовленном для украинских читателей, пишет: “Как иначе можно объяснить неслыханную наивность и, мягко говоря, ошибочные действия министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера, который призывает Украину к переговорам с террористами и таким способом легитимирует их? Или же “сюрреалистическую” политическую логику Франции с ее многомиллиардным соглашением на поставку России военных кораблей класса “Мистраль”, благодаря которым последняя сможет

напасть не только на Украину (кстати, второе судно, которое должно быть продано России, будет иметь название “Севастополь”), но и на любую страну ЕС или НАТО?” (с. VIII). Однако это поле моральной нечувствительности или моральной слепоты распространяется не только на политику. Оно охватывает широчайшее общественное пространство — от интимных отношений до межгосударственных дел.

Леонидас Донскис говорит: “Дьявол прячется там, где мы обычно усматриваем норму или даже тривиальность и банальность повседневной жизни, а не отклонение от нормы, патологии, искажения и так далее” (с. 48). С этим согласен и Зигмунт Бауман: “Насколько безопасным и удобным, уютным и дружественным был бы мир, если бы только уроды осуществляли уродливые поступки” (с. 32). Дьявол на Западе измелывал, утратил черты величия, но стал всеобщим. Более того, он перекладывает выполнение своих намерений на целиком нормальных людей по принципу “сделай это сам”: “...Демон СЭС (сделай это сам) — разбросанный и рассеянный, неограниченный и безличный после того, как был размолот, распылен и разбрызган над человеческой массой, породив мириады “местных факторов”, позже приватизированных нами и “субсидированных” нам, отдельным мужчинам и женщинам” (с. 35).

Кажется, в данном случае разговор переводится в плоскость дискуссии двух великих польских поэтов — *Тадеуша Ружевича* и *Чеслова Милоша*, отрывки из произведений которых я взял в качестве эпитета. Ружевич замечает, что все зло от человека, а Милош философски парирует, что от человека как зло, так и добро. Но не все так просто.

Хотя зло проявляется только через действия конкретных людей, сами эти действия можно понять только в рамках системных изменений, охвативших современное общество. Для характеристики направленности этих изменений авторы охотно используют понятие немецкого социолога *Ульриха Бека* “Второй модерн”. Путь к нему лежит через торжество рынка над политикой, глобализацию и индивидуализацию жизни.

Рынки работают на самих себя, ориентируясь на очень ограниченный временной горизонт. Торжество рынков является и торжеством потребительства на всех уровнях современного мира. Зигмунт Бауман целиком обоснованно говорит: “Потребительский подход, возможно, смазывает колесики экономики, но сыплет песок в подшипники моральности” (с. 23). Этот источник морального зла существует столько, сколько существует товарное хозяйство. Но сейчас ему нет достойного противовеса. По мнению авторов, в современном мире произошел разрыв между властью и политикой: “В последнее время мы переживали различные кризисы, но наиболее острый из них, настоящий “метакризис”, который делает все другие проблемы неразрешимыми, является *кризис института власти*” (с. 107). Настоящая власть концентрируется в анонимных экономических структурах, а политика превращается в разновидность шоу. Обычными фигурами становятся “политики-эстраданники”.

Зигмунт Бауман детально прослеживает становление идеи территориального суверенитета государств. С его точки зрения, отправными моментами в истории Европы были Аугсбургский рейхстаг 1555 года, на котором был установлен принцип *cuius regio, eius religio* (чья страна, того и вера) и Вестфальские соглашения 1648 года, достигнутые в Оснабрюке и Мюнстере. Ученый пишет: “Когда после тридцати лет ужасов мировых противостояний в двадцатом веке была осуществлена первая попытка в истории, чтобы установить стабильный общеподобряемый порядок мирного сосуществования на планете, в основу Устава ООН положили именно Вестфальскую модель суверенитета — через собрание руководителей суверенных государств, призванное коллективно поддерживать, контролировать и защищать, не щадя сил, статус мирного сосуществования. <...> Мы до этого времени живем в “пост-Вестфальскую эпоху”, зализывая незалеченные (и, очевидно, неизлечимые) раны, которые их принцип “чья страна, того и нация” причинил и продолжает причинять социальным организациям, которые пытаются и стремятся защитить, удер-

жать или усилить взаимообъединение” (с. 227). Человечество нуждается в новой модели политической жизни, которая позволила бы снова свести вместе власть и политику, а сама политика вновь бы позволяла переводить общественные проблемы в разумную человеческую деятельность. Пока же приходится констатировать смерть политики в старом понимании.

Рынок, вырвавшийся из-под контроля политики, привел к многочисленным общественным трансформациям. Принципиальные изменения произошли в социальной структуре современных обществ. Верхи и низы общества разошлись в социальном пространстве, не будучи больше взаимозависимыми. И дело не только в том, что верхи не привязаны к территории, а низы не могут от нее оторваться. На верху общества мы видим достаточно сплоченный класс богатых и властных, а внизу концентрируется масса атомизированных индивидов, которые рассматривают свое положение как случайное и не испытывают по этой причине моральной солидарности друг с другом. Зигмунт Бауман для этой массы людей использует термин “прекариат” (с. 76). Он произвел его от английского слова “precarious” (сомнительный, неустойчивый, нестабильный, опасный). Всех людей здесь объединяет именно неуверенность в своем будущем, неустойчивость, уязвимость социального положения. В этом названии сквозит ирония. Понятие “precariousness” использовалось в средние века для характеристики всевозможных нахлебников при дворах феодалов. Господа их кормили, но постоянно заставляли помнить о своем униженном положении. Сейчас в такое положение попали именно люди наемного труда, обеспечивающие реальное богатство общества. Однако сильные мира сего как бы снисходительно им позволяют делать это. Пока они не против. Зигмунт Бауман пишет: “Пролетариат стремительно превращается в прекариат, пополняясь все более широкой прослойкой среднего класса. Обратное преобразование уже невозможно. Превращению пролетариата прошлых времен в боевой класс в значительной мере способствовала власть — так же, как нынешней атомизации прекариата, наследника и могильщика пролетарских традиций и наследия” (с. 83).

Трансформация социальной структуры отзывается изменениями в мотивации к труду. Более того, она отзывается глубоким изменением роли труда в жизни общества. Зигмунт Бауман пишет о “поколении Y”, которое пришло в мир, использующий Интернет (с. 185). По мнению английского социолога, это поколение отличается “беспрецедентным и чем дальше, тем большим, цинизмом по отношению к труду” (с. 187). Дело здесь не в антропологической порче. Ученый приводит данные, согласно которым во Франции 25% молодых людей являются безработными. Тем из них, кто настойчиво стремится трудоустроиться, может повезти найти работу по контракту на определенный срок. И такие контракты висят дамокловым мечом над людьми наемного труда на Западе. Для молодежи работодатели придумали особо изощренные способы эксплуатации под названием “стажировка”. Молодых людей набирают на неоплачиваемую стажировку, а по окончании ее срока увольняют, чтобы набрать новых “стажеров”. В современной Франции в таком положении находятся до 1,5 млн чел. (с. 187).

Диалоги Зигмунда Баумана и Леонидаса Донскиса наполнены скрытой и явной полемикой с признанными западными интеллектуалами. Одним из достижений, которым гордится современная западная социология, является теория сетей, как новой формы социальной коммуникации. Одним из ее первооткрывателей является Мануэль Кастельс, испанец, снискавший мировое признание в США. Для него сети — это еще один шаг к индивидуальному освобождению. Зигмунт Бауман имеет все основания для ироничного отношения к этому утверждению: “Существенное отличие “сетей” — название, избранное в последнее время для замены старомодных или отживших идей “общины” или “общности” — состоит именно в этом праве на односторонний разрыв” (с. 181). Следовательно, уже в этой общественной форме заложен принцип взаимного использования индивидов без гарантии взаимности. Дру-

гим объектом критики стала идея Энтони Гидденса о “чистых отношениях”. Ее социолог пропагандировал в своей получившей широкую известность монографии “Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах”. По его мнению, в интимную сферу должен быть перенесен принцип либеральной демократии. Зигмунт Бауман пронизательно замечает: “Каждый из двух партнеров в чистых отношениях, по очереди или одновременно, может стремиться сыграть роль субъекта относительно другого, который выступает объектом. Однако каждый из них, по очереди или одновременно, может встретить объекта, который упрямо отказывается принять роль “вещи”, стремясь вместо этого понизить своего партнера до статуса “вещи”, препятствуя его или ее стремлениям приобрести статус “субъекта”. <...> А, следовательно, “чистые отношения” основаны на выдумке и не способны пережить выяснения правды: полной невозможности перенести деление на субъект/объект, присущий консьюмеристской модели, в сферу межлических отношений” (с. 180–181).

Человек в таких условиях лишается приватности. Все становится публичным. Шум в сетях забивает важную информацию и не дает людям принимать верные решения. Остается плыть по течению.

Деградирующая политика выбивает у общества опору для трезвого мышления. Речь идет об университетах, которые переформируются в коммерческие корпорации. Отдельная глава книги (четвертая) называется “Потребительский университет: новое ощущение бессмысленности и потери критериев”. Леонидас Донскис оценивает “академический капитализм” как путь к уничтожению автономии университетов и научной свободы (с. 168). Такие шаги западных менеджеров отвечают тенденциям “нового варварства”, о котором речь уже шла. Уничтожая традиционные классические университеты, Запад подрывает свои интеллектуальные основы.

Авторы сильны в критике, но каковы же их позитивные предложения? Вот здесь все, как обычно. Все слишком общо. Людей может спасти любовь. Очень ново! Хотя, кто же спорит? Что касается предложений по достижению нового единства власти и политики, то авторы начинают искать прецеденты в прошлом. Таковыми им кажутся Речь Посполитая и Австро-Венгрия. В опыте последнего государственного образования их увлекают интеллектуальные поиски австромарксизма в области утверждения национальной идентичности без разрушения многонационального государства. Поскольку современный мир — это мир диаспор, то вновь актуальной становится идея культурной автономии (с. 234–237).

Нельзя сказать, что Зигмунт Бауман и Леонидас Донскис не ищут ответов на вопрос “Что делать?”. Авторы на протяжении всей книги обращаются к опыту протестов прошлых лет, начиная с “арабской весны” (серии протестных акций, начавшихся в арабском мире с 18 декабря 2010 года) и до движения “Оккупируй Уолл-Стрит”. Они пишут о годе, когда была создана основная часть книги: “Очевидно, 2012 год войдет в историю как “год людей, которые идут”. Когда люди идут, возникают два вопроса. Первый: откуда они идут? И второй: куда они идут? На первый вопрос ответов хватает; на самом деле их слишком много — глубокомысленных и недодуманных, серьезных и странноватых, вероятных и химерических. Что же касается ответа на второй вопрос, то до этого времени его никто не нашел. Абсолютно все, включая — что самое важное — людей, которые идут” (с.144). Пока подобные протестные движения основываются только на всеобщем недовольстве прекариата. Для такого недовольства оснований более чем достаточно. Но затем усилия протестующих натываются на социальную пестроту своих рядов. Пока получается только разрушить какие-то политические режимы, но создать новые, более справедливые условия социальной жизни не удается. Прекариат выполняет роль своего рода современного коллективного Сизифа.

Но более важным (и противоречащим вышесказанному) является другое видение нынешнего момента. Леонидас Донскис эмоционально пишет: “Не следует себя

дурить. Хотя мы и живем сейчас в, на первый взгляд, более спокойные и безопасные времена, на самом деле мы пребываем в состоянии, похожем на то, в каком развивалась Европа в первой половине двадцатого столетия” (с. 214).

Книга написана как диалог. Считаю это оправданным. Мы имеем дело с миром, который нам непонятен, поэтому в осмыслении его необходимо учесть разные оптики. Только наложение разных подходов, разных видений с отличных социальных позиций и споры способны дать объемное представление о нынешней действительности. В целом авторам это удается. Но иногда с таким стремлением диссонирует тоналность Леонидаса Донскиса. Диалог предполагает равенство сторон, а он настойчиво подчеркивает недостижимую интеллектуальную высоту своего партнера. Он для него в первую очередь — “живой классик” (с. 5).

Есть и другие стилистические преувеличения. Авторы много внимания уделяют сравнению старых (Евгений Замятин “Мы”, Олдос Хаксли “О, дивный новый мир” и Джордж Оруэлл “1984”) и новых (Мишель Уэльбек “Возможность острова”) антиутопий. Это дает возможность увидеть различие страхов Первого и Второго модернов. В целом им это удалось. Однако в этом контексте Леонидас Донскис пишет об Уэльбеке как о “гении психологического и социологического предвидения” (с. 239). Ну, зачем?! Несомненно, романы Мишеля Уэльбека отражают определенные тенденции развития современного сытого западного общества. Но лишь некоторые. Сам автор находит наслаждение в пакостях. Половина его романа — это фактически порнографический текст. Талантливый, но пакостный.

Что вообще невозможно понять в книге, посвященной современности, так это отсутствие экологической проблематики. Отсутствие полное, отсутствие, как принцип.

* * *

Впрочем, как понятно, критиковать легко. Достоинств у книги Зигмунда Баумана и Леонидаса Донскиса значительно больше, чем недостатков. Она представляет собой жанр, до сих пор отсутствовавший на полках наших книжных магазинов, — комментарии к жизни. Донскис справедливо пишет о своем соавторе: “...Социология Баумана является прежде всего социологией воображения, чувств, человеческих отношений — любви, дружбы, отчаяния, безразличия, нечувствительности — и личного опыта” (с. 5). Это в полной мере относится к ним обоим. В данном случае они не ищут единой, пронизывающей весь текст теории. Ее заменяет совокупность базисных метафор. В силу этого в книге смешиваются социология и теология, философия и история литературы. Это — еще один момент внутренней диалогичности. Очень важно теперь, чтобы эта книга стала катализатором дискуссий в интеллектуальном сообществе Украины.